

**ОТЧЕТ О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ЗОЛОТАЯ ОРДА В ГЛОБАЛЬНОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ. ИМПЕРСКИЕ СТРАТЕГИИ»
(ЛЕЙДЕНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, 7–8 МАЯ 2015 ГОДА)**

Роман Хаутала

*(Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан)*

(Университет Оулу, Финляндия)

Настоящая статья содержит отчет о международной конференции, организованной Лейденским университетом в мае 2015 года. По мнению ее организаторов, настоящая конференция стала первым западноевропейским симпозиумом, посвященным изучению многовековой истории Золотой Орды. Конференция стала местом плодотворной встречи ведущих российских и татарских историков и археологов с их западными коллегами из Голландии, Великобритании, Соединенных Штатов Америки, Венгрии, Польши и Финляндии.

Международные участники лейденской конференции обсудили наиболее актуальные историографические вопросы, связанные с насыщенной историей Золотой Орды. В частности, участники конференции уделили особое внимание изучению административного управления Улуса Джучи, естественно сочетавшего управленческие модели монгольской империи чингизидов с местными административными элементами. Отдельная секция конференции была посвящена анализу религиозной политики золотоордынских ханов, где особенное внимание было уделено историографической дискуссии по вопросам исламизации Улуса Джучи. Участники конференции уделили не меньшее внимание и рассмотрению материальной культуры Золотой Орды, известной, как по письменным источникам, так и, в первую очередь, по материалам археологических находок. Также ряд докладов конференции был посвящен рассмотрению внешней и внутренней политики золотоордынских правителей, одновременно отражающей центральную геополитическую роль Улуса Джучи на евразийском континенте и высокий уровень развитости золотоордынской цивилизации.

Главным достижением лейденской конференции была констатация необходимости более глубокого изучения истории Золотой Орды для преодоления ряда сложившихся стереотипов, касающихся превратного представления Улуса Джучи в качестве отсталого и паразитического государственного объединения. Участники конференции сошлись в общем мнении о необходимости организации подобных академических симпозиумов с целью интенсификации международных контактов между исследователями истории Золотой Орды.

Ключевые слова: международная конференция, история Улуса Джучи, золотоордынская цивилизация, исторические исследования, археологические изыскания.

С 7 по 8 мая 2015 года *Институт региональных исследований Лейденского университета* (Leiden University Institute for Area Studies) организовал международную конференцию «Золотая Орда в глобальной перспективе. Имперские стратегии» (The Golden Horde in a Global Perspective: Imperial Strategies). Конференция была проведена благодаря академической и материальной поддержке таких исследовательских направлений Лейденского университета, как *Современность и традиции Азии* (Asian Modernities and Traditions) и *Лейденские глобальные интеракции* (Leiden Global Interactions), а также *Центра по изучению ислама и общества Лейденского университета* (Leiden University Centre for the Study of Islam and Society), *Нидерландской Королевской Академии Наук* (Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen), *Европейского университета в Санкт-Петербурге* и холдинговой компании *Татаро-американские инвестиции и финансы*.

Как отмечалось организаторами конференции*, это первая и вполне удавшаяся, согласно автору данного отчета, попытка организовать в Европе научную конференцию, посвященную изучению истории Золотой Орды при совместном участии ряда российских и западных историков и археологов. Главной целью конференции было поставить под сомнение преваляровавшее ранее представление кочевнических государственных объединений в качестве «паразитических» и основанных исключительно для «хищнического» использования соседних земледельческих народов. Ряд свежих исследований показал, что оппозиция между кочевым и оседлым населением не была так ясно выражена, тогда как традиционное восприятие антагонизма между завоеванным населением и кочевнической элитой следует подвергнуть конструктивному пересмотру. Социальная интеграция оседлого населения в кочевом контексте была глубже, чем мы привыкли думать; а его взаимодействие с правителями кочевнических государств выходило за рамки контактов с центральной администрацией и воплощалось во взаимном сотрудничестве между завоевателями и завоеванными, воинами и мирными жителями, кочевниками и оседлым населением на более низких административных уровнях. Во многих случаях представители оседлой элиты оказывали активную поддержку кочевым правителям в связи с совпадением политических и экономических интересов и осознанием всех тех выгод, которые были связаны с включением их территорий в очевидно более обширные политические структуры.

Эффективное государственное управление и централизованная администрация Золотой Орды служат наиболее выразительным примером достижений кочевнических империй, несколько не уступающих в своем уровне развитости оседлым земледельческим культурам.

* См. <http://www.hum.leiden.edu/lia/highlights/golden-horde-conf-may-2015.html>

Благодаря основанию джучидской державы и ее дальнейшему трехсотлетнему существованию, ряд областей и народов стали частью единого государства под властью правителей, способствовавших невиданному ранее политико-экономическому развитию региона.

По мнению Рафаэля Хакимова (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, Казань), выраженному в его докладе «Сочетание кочевых и иерархических принципов в государственной организации Золотой Орды»; ряд стереотипов, препятствующих полноценному изучению истории Золотой Орды, является тяжелым наследием особой линии советской академической политики, начатой в 1944 году в связи с принятием специального правительственного указа о существенном ограничении исследований улуса Джучи и соответствующим очернением исторической роли татарского народа. Не менее отрицательное влияние на исследования Золотой Орды имело и марксистское представление кочевнического образа жизни в качестве низшей ступени общественного развития, якобы отстающей по своему культурному и экономическому уровню от земледельческих сообществ.

Хакимов подчеркнул неадекватность применения периодизации оседлых народов по отношению к кочевническим сообществам, явно отличающимся по своему административному устройству от своих земледельческих соседей. Кочевнические общества являются совершенными примерами военной организации, однако их завоевания не являлись самоцелью, но стремлением к экспансии и перераспределению пастбищ, необходимых для полноценного существования кочевников.

Многочисленные примеры интеракций между кочевниками и оседлыми народами указывают на взаимовыгодные отношения, например, в связи с зависимостью кочевников от непрерывного поступления металла от их оседлых соседей. В данном отношении, Хакимов представил Золотую Орду в качестве вершины кочевнической цивилизации, естественно сочетавшей в себе оседлые и кочевнические элементы; и указал на энергичные меры золотоордынских правителей в отношении развития земледелия на завоеванных территориях не только для удовлетворения продовольственных нужд местного (кочевнического и оседлого) населения, но и для осуществления экспорта зерновых в Западную Европу.

Память о былом величии Улуса Джучи сохранилась в тюркских народных преданиях, появившихся уже после распада Золотой Орды и запечатленных в «Дефтер-и Чингиз-наме». Согласно указанию Марии Иванич (Mária Ivanics, Университет Сегеда 1, Венгрия), представленному в ее докладе «Воспоминания о государственности в Дефтер-и Чингиз-наме» (*Memories of Statehood in the Defter-i Genghis-name*), данный вид исторических источников был введен в научный оборот относительно недавно под непосредственным влиянием публикации «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи. Безусловно, «Дефтер-и Чингиз-наме»

представляет Чингиз-хана не как историческую личность, а скорее, как идеализированного правителя. Однако этот источник содержит и интересные аллюзии на исторические реалии золотоордынского периода. В частности, образ татарских повозок, ведомых параллельно Чингизханом и беклерибеком, символизирует двоевластие в Улусе Джучи и соответствующее разделение Золотой Орды на правое и левое крыло. Таким образом, фольклорный материал может содержать интересные исторические сведения; в особенности, в отношении кланового деления джучидской державы.

Эволюции правления Золотой Орды и ее наследных юртов был посвящен доклад Вадима Трепавлова (Институт российской истории РАН, Москва) «Имперское наследие Джучидов: трансформации и упадок», представляющий актуальный интерес в связи с празднованиями в этом году в Казахстане 550-летия создания Казахского ханства и соответствующими дискуссия о сохранении джучидских управленческих моделей среди позднесредневековых казахов. По словам Трепавлова, изначально джучиды использовали административные модели, принятые во всей монгольской империи, наряду с адаптацией местных управленческих стандартов. Несмотря на приобретение независимости в период правления Менгу-Тимура, прежние имперские модели управления не потеряли актуальности в Золотой Орде; и, в целом, правление золотордынских ханов оставалось неизменным до смерти хана Токты. Только хан Узбек ввел устойчивую мусульманскую модель правления, выработанную в исламском мире в предыдущие столетия; но сохранил характерные черты монгольского правления с подчеркиванием центральной монархической роли хана, делением государства на крылья, улусной и наместнической системой.

Дальнейшая история наследных юртов Золотой Орды отображает процесс постепенного угасания административного влияния улуса Джучи; несмотря на воцарение чингизидской династии в шейбанидском государстве и попытку консервации чингизидского государственного наследия в казахских ханствах. Однако чингизиды продолжали рассматриваться легендарными символами власти, представлявшими, в глазах татарских ханов, легитимную основу правления окружающих монархов. Татарские послания XVI столетия нередко называют польских и московских правителей наследниками власти Чингиз-хана; которые, в свою очередь, заимствовали из Улуса Джучи ряд элементов татарской администрации.

Доклад Иштвана Вашари (István Vásáry, университет им. Этвеш Лорана, Венгрия) «Тархан и сойургал. От кочевнической к феодальной привилегии» (Tarkhan and Soyurghal. From Nomadic to Feudal Privilege) был посвящен постепенному внедрению в Золотой Орде феодального права на земельные наделы, именовавшегося в Улусе Джучи термином «сойургал», но имевшего все сходства с ближневосточной иктой. Вашари указал на наличие в монгольской империи широко известного

термина «тархан», то есть персон, освобожденных от фискальной и юридической ответственности за определенные заслуги перед верховным правителем. Однако менее известным остается тот факт, что тарханы получали в награду и земельные наделы, где их права собственности постепенно трансформировались в привилегию сбора налогов с местного населения, схожую с ближневосточной иктой. Несмотря на то, что золотоордынские источники не упоминают термина «икта»; тарханные ярлыки конца XIV – XV веков ясно дают понять, что тарханы наделялись земельной собственностью.

В свою очередь, доклад Габриеллы ван ден Берг (Gabrielle van den Berg, Лейденский университет) «Монголы и Шахнаме» (The Mongols and Shahnama) был посвящен хулагуидским заимствованиям исламского культурного наследия на примере монгольской рукописи «Шахнаме». Ван ден Берг привела ряд убедительных иллюстративных свидетельств, указывающих на несомненное влияние «монгольской Шахнаме» на структуру «Сборника летописей» Рашид ад-дина.

Вопросам исламизации Золотой Орды была посвящена отдельная секция под председательством Иштвана Вашари (István Vásáry, университет им. Этвеш Лорана, Венгрия) и Альфрида Бустанова (Европейский университет в Санкт-Петербурге).

Доклад Марка Крамаровского (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) «Крым и султанат Рума во второй половине XIII и в XIV веках» содержал подробный анализ анатолийского вклада в исламизацию Улуса Джучи. По словам Крамаровского, после крушения Румского султаната в середине XIII столетия его культурные традиции сохранились в Крыму с центром в Солхате (Крым), что имело непосредственное влияние на распространение ислама не только в крымском улусе, но и на всей территории Золотой Орды. Докладчик привел неоспоримые доказательства тому, что сельджукская эмиграция в Крым началась еще в 20-ых годах XIII века и продолжалась с нарастающей силой до середины XIV столетия. Сельджукские влияния видны, в первую очередь, в архитектурных памятниках религиозного значения; как, например, в широко известной солхатской мечети Узбека, так и в суфийских мавзолеях, появляющихся на полуострове, начиная с правления хана Берке. Также анатолийские влияния прослеживаются в нумизматических материалах, в керамике, украшениях и стеклянной посуде. При этом, немалая часть этих предметов производилась на месте, что предполагает массовое переселение анатолийских ремесленников на территорию Золотой Орды.

Доклад Романа Хаутала (Roman Hautala, университет г. Оулу, Финляндия) «Латинские источники о религиозной ситуации в Золотой Орде в начале правления хана Узбека» (Latin Sources on the Religious Situation in the Golden Horde in the Early Reign of Uzbek

Khan) представил взгляд католических источников на масштабы исламизации Улуса Джучи в период правления хана Узбека. Синхронные францисканские источники, составленные внутри Золотой Орды, вынуждают нас поставить под сомнение несколько преувеличенные утверждения внешних мусульманских хроник. В частности, сведения мамлюкского автора ан-Нувайри о насильственном и поголовном обращении кочевников в ислам в ранний период правления Узбека опровергаются содержанием латинского перевода ханского ярлыка, предоставленного миноритам в это же время и содержащим ясно выраженное позволение беспрепятственного проповедования христианства среди золотоордынских кочевников. Более позднее письмо францисканцев 1323 года показывает, что минориты воспользовались разрешением Узбека и добились существенных результатов в ходе развертывания католического апостолата в связи с тем, что они не встречали каких-либо препятствий со стороны джучидской администрации. В конце доклада Хаутала подчеркнул, что нам следует критично относиться к сведениям латинских источников; но мы должны подвергать столь же критичному анализу и сведения ориентальных источников.

В своем докладе «Исламизация Золотой Орды: новые сведения», Ильнур Миргалеев (Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, Казань) указал на существенное мусульманское влияние Анатолии и Булгара на Дешт-и Кыпчак еще до основания Золотой Орды; но одновременно подчеркнул, что главными исламизаторами Улуса Джучи выступали суфийские проповедники, по всей видимости развернувшие организованную проповедническую деятельность уже в период правления хана Берке. Помимо упоминания деятельности тариката ясавийя, фокусировавшегося на проповедовании ислама в степи; Миргалеев указал на менее известное влияние тариката Каландари, концентрировавшегося на обращении в ислам джучидской элиты. Главным источником по активности каландаров в Золотой Орде является богословское сочинение «Каландар-наме», написанное в городе Крым (Солхат) Абу Бакром Каландаром в переломный период правления ханов Узбека и Джанибека, определивший конфессиональную ориентацию кочевников Улуса Джучи.

В свою очередь, Девин Девиз (Devin DeWeese, Индианский университет, Блумингтон) посвятил свой доклад «Хорезмийские суфии и ученые в улусе Джучи в XIV и XV веках: некоторые соображения о векторах исламизации Золотой Орды» (*Khwarazmian Sufis and Scholars in the Ulus of Jochi during the 14th and 15th centuries: Some Considerations on Vectors of Islamization in the Golden Horde*) хорезмийскому влиянию на исламизацию Золотой Орды; и сфокусировался на описании прозелитической деятельности трех хорезмийских суфиев (в частности, шейха Тамими, аль-Хальвати и Гёзли-ата) во второй половине XIV столетия, известной по более поздним источ-

никам. Американский ученый, известный наиболее подробными исследованиями по исламизации Улуса Джучи, еще раз указал на особую характеристику этих поздних источников, прослеживающих происхождение ряда тюркских племен от своих легендарных исламизаторов (в частности, Гёзли-ата воспринимается основателем туркменского племени Ата).

Доклад Ильи Зайцева (Институт Востоковедения РАН) «Медресе Менгли-Гирея («Зынджирлы») и ее рукописная коллекция» (Mengli Giray's Madrasa («Zincirli») and Its Manuscript Collection) содержал описание богатейшей рукописной коллекции бахчисарайской медресе, содержащей около 150 манускриптов (по каталогу 1923 года); среди которых наиболее ценной и древней рукописью является центральноазиатский манускрипт, датируемый серединой XIII столетия. В конце доклада, Зайцев указал на полезность изучения данной рукописной коллекции, позволяющей составить мнение о характере исламской литературы в Крыму XVI столетия.

Второй день конференции начался с доклада Эммы Зиливинской (Институт этнологии и антропологии РАН) «Культовые сооружения в Золотой Орде (происхождение, эволюция, традиции)» (Buildings of Worship in the Golden Horde: Origin, Evolution, Traditions), содержавшего подробный анализ и классификацию мусульманских религиозных строений в Улусе Джучи. В отношении мечетей, Зиливинская указала на тот факт, что мечети Золотой Орды стали строиться еще при хане Берке, но широко распространились только начиная с прихода к власти хана Узбека; и подчеркнула ясное различие между двумя конкурирующими стилями арабского и центральноазиатского происхождения. В основном, золотоордынские мечети были снабжены минаретами, подражавшими различным арабским стилям сирийского, аббасидского и египетского происхождения. Медресе обычно строились рядом с мечетями. Однако Зиливинская была вынуждена констатировать малое число идентифицированных медресе, из которых наиболее известными являются медресе Узбека в Солхате и предположительная медресе в Сарае, находившаяся рядом с местной кафедральной мечетью. В отличие от медресе, мусульманские мавзолеи встречаются в Золотой Орде повсеместно и делятся по внешней форме на кубические, хорезмийского происхождения, и башенные, с ясными анатолийскими влияниями. В конце доклада, Зиливинская подчеркнула, что крымские и болгарские улусы Золотой Орды подражали анатолийскому архитектурному стилю; тогда как Нижнее Поволжье и степные районы испытывали на себе хорезмийское влияние.

Анастасия Теплякова (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) рассмотрела в своем докладе «Итальянский и турецкий текстиль в Крыму и на Северном Кавказе в XV веке: производство, торговля и проблемы атрибуции» (Italian and Turkish Textiles in the

Crimea and Northern Caucasus in the fifteenth century: Production, Trade and Attribution Problems) проблемы идентификации образцов итальянского и турецкого текстиля, найденных на территории Золотой Орды. Масштабный экспорт шелковых тканей из Италии на Ближний Восток, засвидетельствованный в течение XV–XVI веков; привел к интересным последствиям в Малой Азии, выразившимся в стремлении Османов освободиться от зависимости от итальянского импорта и в организации автономного производства шелка в Бурсе, имитировавшего итальянскую продукцию. В связи с существованием параллельного текстильного импорта в Золотую Орду из Италии и Турции, современные исследователи встречаются с существенными трудностями в идентификации тканей, найденных на территории бывшего Улуса Джучи. Но несмотря на указанные сложности, Теплякова указала на конкретные критерии, которые могут помочь атрибутировать образцы текстиля, прибегнув к анализу содержания хлопка в этих образцах и степени содержания меди и серебра.

В своем докладе «Место города Булгара в системе городов Золотой Орды», Ильяс Мустакимов (Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, Казань) указал на чрезвычайно поверхностный характер сведений синхронных письменных источников (Гийом де Рубрук, Марко Поло, сведения русских летописей в интерпретации Татищева) о ранней истории Булгара в рамках Золотой Орды. Больше информации содержится в поздних персидских и тюркских источниках, содержание которых, однако, находится под влиянием историко-эпической традиции. Таким образом, главные сведения об истории золотоордынского Булгара представляют археологические материалы. Далее Мустакимов описал три «ипостаси» Булгара, отображающие постепенное понижение его значения. В начальный золотоордынский период Булгар выступает в качестве имперского урбанного центра, но последовательно теряет свое значение в связи с ростом Сарая. Позже Булгар становится центром местного вилайета и сохраняет свое значение даже после перенесения центра вилайета в Казань. Таким образом, административный идентитет Казани строится на преемственности ее статуса непосредственно от Булгара. После этого Булгар выступает в качестве столицы местного княжества или эмирата в рамках казанского вилайета. В конце доклада Мустакимов затронул актуальный вопрос взаимозаменяемости в письменных источниках наименований Булгара и Биляра.

Доклад Дариуша Колодзейчика (Dariusz Kołodziejczyk, Варшавский университет, Польская Академия Наук) «‘Изобретение традиции’ в Крымском ханстве в начале XVII века: возможные контексты введения терминов *байса*, *Тат* и *Тавгач* в ханскую документацию» (The «Invention of Tradition» in the Crimean Khanate at the beginning of the 17th century: Possible Contexts of the Introduction of the Terms

Baysa, Tat and Tavgach in the Khans' Documents) был посвящен проблемам интерпретации ряда тюркских терминов, встречающихся в крымской официальной документации в период османского владычества. Колодзейчик указал на определенную ошибочность сложившегося среди исследователей мнения, что крымская документация была «оттоманизирована» сразу же после завоевания Крыма Османами; и представил ряд свидетельств длительного сохранению ряда тюркских терминов, встречающихся в дипломатической переписке крымских ханов. Серия примеров, приведенных Колодзейчиком, показывают, что крымские дипломатические послания московским и польским правителям неизменно содержали так называемую байсу, крымский эквивалент монгольской пайдзы. Не меньший интерес вызывает использование термина «Тат и Тавгач», обозначающего иностранцев (или иноверцев), но встречающегося до этого только в ранних тюркских рунических памятниках.

Елена Паскалева (Лейденский университет) описала в своем докладе «Роль и место эмира Тимура в истории Золотой Орды согласно советской и пост-советской историографии» (*Role and Place of Amir Timur in the History of the Golden Horde as Discussed by Soviet and Post-Soviet Historiography*) эволюцию отношения к Аксак Тимуру в советской и узбекской национальной историографии. В советское время исследователи отличались двойственным отношением к эмиру Тимуру. С одной стороны, советские историки неизменно осуждали Тимура за разрушения, связанные с завоеванием соседних народов. С другой стороны, исследователи советского периода подчеркивали важность золотоордынских кампаний Тамерлана, способствовавших, в интерпретации Якубовского, постепенному освобождению Руси от татарского политического влияния. Также и в отношении тимуридской архитектуры, советские археологи стремились подчеркнуть «просветительскую роль» Улугбека, приписывая исключительно ему все культурные достижения тимуридской династии. В пост-советское время, узбекские национальные историки радикально изменили отношение к Тимуру, выставляя его в качестве основателя узбекской нации. Таким образом, в последнее время фигура Тамерлана стала использоваться в пропагандистских целях, что довольно негативно сказывается на качестве современных узбекских исследований.

Доклад Зифы Ауэзовой (*Zifa Auezova*, «Евразийская перспектива», Нидерланды) «Эпические повествования тюркоязычных народов в истории советской науки» (*Epic Narratives of Turkic-Speaking People in the History of Soviet Scholarship*) содержал анализ эволюции отношения казахской историографии советского периода к трактовкам эпоса «Идегей», вызвавшим коренные изменения в советских исследованиях Золотой Орды после широко известного правительственного указа 1944 года о значительном ограничении изучения истории Улуса Джучи. Казахская историография 1920–30-ых годов относи-

лась довольно положительно к содержанию эпоса, рассматривая его в качестве важного источника по истории Золотой Орды. Однако, последствия указа 1944 года вскоре сказались и на казахских историках, принужденных в начале 1950-ых годов отказаться от изучения тюркских эпических повествований, представлявших в советской историографии в качестве выразителей ценностей казахской и татарской феодальной элиты.

Мари Фаверо (Marie Favereau, университет Оксфорда) проанализировала в своем докладе «Степная дипломатия в конце XIV века: пример Токтамышша» (Steppe Diplomacy at the end of the fourteenth century: The Case of Toqtamish) политическую деятельность хана Токтамышша, направленную на восстановление былой мощи Золотой Орды и основывавшуюся на сочетании военных кампаний с крайне активной дипломатической деятельностью. Фаверо указала на очевидные изменения в дипломатической активности Токтамышша, отказавшегося от традиционного альянса со всеми итальянскими торговыми республиками, имевшими свои представительства в Северном Причерноморье; и сфокусировавшегося на сближении исключительно с генуэзцами. В тоже время, Токтамыш остался приверженцем прежней линии сближения с египетским султанатом Мамлюков с целью заключения военного союза против эмира Тимура. В данных переговорах, однако, наряду с политическими целями, Токтамыш руководствовался и экономическими интересами, связанными с развитием продажи рабов в султанат Мамлюков и с конкретным намерением открыть новый центр работорговли в Азербайджане после планируемого завоевания Тебриза.

В последнем докладе «Новая рукопись произведения Ибн Арабшаха о Тимуре и Токтамышше в библиотеке Казанского университета» (A New Manuscript of Ibn 'Arabshah's Work on Timur and Toqtamish at Kazan' University Library), Альфрид Бустанов (Европейский университет в Санкт-Петербурге) подчеркнул необходимость детального изучения коллекции мусульманских рукописей, хранящейся в библиотеке Казанского университета и содержащей рукописи средневековых авторов, татарские фольклорные материалы, мусульманскую поэзию, научные работы и материалы религиозного образования мусульманских субъектов Российской империи. В качестве иллюстрации ценности казанской коллекции, Бустанов привел недавно обнаруженный манускрипт Ибн Арабшаха, составленный всего лишь через два года после смерти автора.

В заключительной речи, Марк Крамаровский выразил пожелание (несомненно разделяемое всеми участниками), чтобы данная конференция имела свое продолжение в ближайшем будущем и способствовала дальнейшему изучению золотоордынской цивилизации.

Сведения об авторе: Роман Хаутала – старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; исследователь на историческом отделении гуманитарного факультета Университета Оулу, Ph.D. (история) (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация; 90014, ул. Пентти Кайтера, д. 1, Оулу, Финляндия); virisequisque@hotmail.com

**REPORT ON THE INTERNATIONAL WORKSHOP
“THE GOLDEN HORDE IN A GLOBAL PERSPECTIVE:
IMPERIAL STRATEGIES”
(LEIDEN UNIVERSITY, MAY 7–8, 2015)**

Roman Hautala
*(Sh. Marjani Institute of History,
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan)*
(University of Oulu, Finland)

This article contains a report on the international conference organized by the University of Leiden in May 2015. According to its organizers, this conference has become the first Western European symposium dedicated to the study of the long history of the Golden Horde. The conference became a fruitful meeting place of the leading Russian and Tatar historians and archaeologists with their Western colleagues from the Netherlands, United Kingdom, United States of America, Hungary, Poland, and Finland.

International participants of the Leiden conference discussed the most topical issues of historiography associated with eventful history of the Golden Horde. In particular, the conference participants paid special attention to the study of the administration of the ulus of Jochi that naturally combined governmental models of the Mongol Empire of the Chingizids with local administrative elements. A separate section of the conference was devoted to the analysis of the religious policy of the Golden Horde khans, where special attention was paid to the historiographical debate on the Islamization of the ulus of Jochi. The conference participants also paid considerable attention to the consideration of the material culture of the Golden Horde known both from written sources and, above all, from the materials of archaeological findings. Also, a number of reports of the conference was devoted to foreign and domestic policies of the Golden Horde rulers, at the same time reflecting the central geopolitical role of the ulus of Jochi on the Eurasian continent and the high level of civilization of the Golden Horde.

The main achievement of the Leiden conference was a statement on the need of deeper study of the Golden Horde history in order to overcome a number of stereotypes regarding misconceptions of the ulus of Jochi represented as back-

ward and parasitic State formation. The conference participants agreed in general opinion about the necessity of similar academic symposiums to intensify international contacts between researchers of the Golden Horde history.

Keywords: international conference, history of the ulus of Jochi, Golden Horde civilization, historical studies, archaeological surveys.

About the author: Roman Hautala – Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Postdoctoral researcher, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, Ph.D. (History) (420014, Kremlin, entrance 5, Kazan, Russian Federation; 90014, Pentti Kaiteran st., 1, Oulu, Finland); virisequisque@hotmail.com